

Русский лубок: между Средневековьем и Новым временем

© А. А. ПЛЕТНЕВА,
кандидат филологических наук

В статье рассматриваются лубочные тексты, которые являются остатками литературной традиции, возникшей на рубеже Средневековья и Нового времени. Появление нового варианта литературного языка отодвинуло эту письменность на культурную периферию, но вплоть до конца XIX века лубочные тексты оставались востребованными, существуя в качестве массовой литературы.

Ключевые слова: история русского литературного языка, литература XVIII века, церковнославянский язык, лубок, народная письменность.

Историю языка русской письменности трудно представить как непрерывный процесс. Письменность, появившаяся в связи с христианизацией Руси, существовала вплоть до петровских преобразований. А затем начинается история новой письменной культуры и литературного языка нового типа. При чтении пособий по истории русской словесности может создаться впечатление, что в начале XVIII века все тексты, которые читались и переписывались в предшествующие века, куда-то исчезли и были заменены другими, новыми.

На самом деле, между старой и новой книжностью существовала своеобразная «буферная зона», набор текстов, которые одинаково распространялись как до Петровских реформ, так и после них. Но это не было чем-то застывшим и архаичным. Одни тексты по тем или иным причинам уходили, другие, возникшие уже в недрах новой культуры,

занимали их место. При этом на определенном отрезке времени старые сюжеты органично соседствовали с новыми, силлабо-тонические стихи не исключали церковнославянских вириш, а повествования о людях с песьими головами, которых встретил Александр Македонский, прекрасное сосуществовали с описаниями экзотических животных Америки.

Говоря о «буферной зоне», мы имеем в виду как рукописную традицию, представленную в многочисленных сборниках XVIII века [1], так и лубочную литературу [2], о которой далее и пойдет речь.

В XVII–XVIII веках симбиоз текста и изображения получил новое развитие [3]: фрески и иконы начинают включать в себя значительные по объему текстовые фрагменты. Обширные цитаты из Священного Писания, агиографических и гимнографических произведений поясняют изображение, становясь его неотъемлемой частью. В конце XVII века появляется массовая гравюра, также сочетающая изображение и повествовательный текст и восходящая к той же эстетической традиции, которая была характерна для перехода от Средневековья к Новому времени.

Лубочные листы и книги традиционно изучаются искусствоведами и историками гравюры. Филологи обращаются к лубку не так часто. Между тем до нас дошел довольно большой объем лубочных текстов, позволяющий говорить об особенностях этого вида письменности. Конечно, на некоторых листах текст не занимает много места, и все ограничивается подписью к картинке, например: «Удалые молодцы добрые борцы ахто ково поборит невсхватку тому два ица всмятку» [4. С. 31]. Но в других случаях мы имеем дело с достаточно обширным повествованием.

Мода на западноевропейские гравюры, прямые предтечи лубочных картинок, появилась во второй половине XVII века. Привозимых из Европы картинок было немного, и ими украшались дворцы, а не крестьянские избы. Известно, что в комнатах царевича Алексея Алексеевича, умершего в 1670 году, висело более пятидесяти гравюр. Подобные картины украшали жилище царевны Софьи Алексеевны и будущего императора Петра I [5]. Вскоре русские мастера стали копировать гравюры, созданные в Европе, а вместо надписей на латыни или на других европейских языках они помещали свои на церковнославянском или русском языке.

Если на первых порах гравюра с текстом к картинке была заимствованным явлением и фактом культуры высших слоев общества, то в XVIII веке она адаптируется к русским реалиям и превращается в массовую коммерческую продукцию. Цена ярко раскрашенных гравированных листов была невысока, они были доступны широкой аудитории, и их эстетические особенности вполне соответствовали вкусам горожан и крестьян. Для представителей образованных сословий лубок быстро

становится символом грубых простонародных вкусов, что фиксирует художественная и мемуарная литература XVIII–XIX веков.

Н.В. Гоголь в «Портрете» так описывает лавки, где торгуют лубками: «Сверх того двери такой лавочки обыкновенно бывают увешаны связками произведений, отпечатанных лубками на больших листах, которые свидетельствуют самородное дарованье русского человека. На одном была царевна Миликтриса Кирбитьевна, на другом город Иерусалим, по домам и церквам которого без церемонии прокатилась красная краска, захватившая часть земли и двух молящихся русских мужиков в рукавицах. Покупателей этих произведений обыкновенно немного, но зато зрителей куча. Какой-нибудь забуддыга-лакей уже, верно, зевает перед ними, держа в руке судки с обедом из трактира для своего барина, который без сомнения, будет хлебать суп не слишком горячий. Перед ним уже, верно, стоит в шинели солдат, этот кавалер толкучего рынка, продающий два перочинные ножика; торговка-охтенка с коробкою, наполненною башмаками. Всякий восхищается по-своему: мужики обыкновенно тыкают пальцами; кавалеры рассматривают серьезно; лакеи-мальчишки смеются и дразнят друг друга нарисованными карикатурами; старые лакеи во фризовых шинелях смотрят потому только, чтобы где-нибудь позевать; а торговки, молодые русские бабы, спешат по инстинкту, чтобы послушать, о чем калякает народ, и посмотреть, на что он смотрит» [6].

Нужно сказать, что русская классическая литература куда более тесно связана с лубочными текстами, чем это принято думать. Очевидно, что Феклуша из «Грозы» А.Н. Островского, рассказывая о людях с песьими головами, воспроизводит лубочные пересказы «Александрии» (средневековое повествование о подвигах Александра Македонского), а описанная Н.А. Некрасовом книжная торговля на ярмарке содержит перечень лубочных изданий, которые хорошо известны исследователям народной гравюры.

Купец со всем почтением
 Что любо, тем и потчует
 (С Лубянки – первый вор).
 Спустил по сотне Блюхера,
 Архимандрита Фотия,
 Разбойника Сипко,
 Сбыл книги: «Шут Балакирев»
 И «Английский милорд»... [7].

Интерес Некрасова к лубочным изданиям связан с тем, что на протяжении XVIII–XIX веков лубочная письменность играла роль массовой литературы. Заменить ее Сумароковым, Пушкиным и Гоголем не удалось ни Некрасову, ни последующим просветителям народа. Луб-

ки были популярны и пользовались коммерческим спросом. Это дает нам основание внимательнее присмотреться к их языку. Из того, что лубочную продукцию покупали и читали простые люди, можно сделать вывод, что язык лубка соответствовал их представлениям о письменном языке и был им понятен.

В содержательном отношении лубочная письменность включала в себя популярное изложение всего, что могло заинтересовать читателей. Лубок рассказывал как о современных событиях (о Мексиканском землетрясении, походах Суворова, европейском путешествии царевича Павла Петровича), так и о далеком прошлом (о походах Александра Македонского, Куликовской битве, крещении Руси). Здесь можно было прочитать о перипетиях священной истории, о святых местах, о смертных грехах и еретических учениях: «При сих словах полили источник слес из глас добродушнаго Иосифа и он не могши более скрывать чувств родства колебавших душу и сердце его велел удалится своим служителям а сам проливая слезы радости так говорил Я Иосиф брат ваш приближитесь узнайте того котораго вы продали купцам Исъмаильским скажите мне поистинне жив ли родитель наш» [5. Т. III. С. 301].

Лубок не только обогащал своего читателя новыми, ранее неизвестными фактами, но и развлекал его: «Медведь с казою проклажаютца на музыке своей забавляются невзначай на дороге вьстретился с казою медведь и стал на нея пристально глядеть и коза ево стала спрашивать разве ты меня не узнал как винцо со мною вместе попивали но теперь станем с тобою веселитца и тому станут люди дивитца ты мои любезнай медведь заиграи вьвалаику а я молода коза поплешу теперь зато нас стануть благодарить другои вздумает подарить но и мы за оное зрителем отьдадим почтение на сырной неделе в воскресенье» [4. С. 103]. Этот текст сопровождает лубочную картинку, на которой изображены танцующие и играющие на музыкальных инструментах медведь и коза.

Существуют сказки, прозаические пересказы былин, песни и площадные присказки, изданные в виде лубочных листов или книжек, например: «Она же прекрасная королевна Милитриса Кирбитовна падши пред отцем своим на колени доносила ему Государь мой батюшка славный и храбрый король Кирбит Верзоулович ныне итти за него смелости не имею потому что когда я была млада то король Гвидон за меня сватался и тогда изволили вы ему отказать прошу вас чтоб как возможно за него не отдавать меня а буде изволите отдавать в замужество то прошу отдать за короля Дадона которои нашему державству оберегатель и истинно кресной хранитель от всех нападствующих на нас» [5. Т. I. С. 85].

В лубочной письменности бытуют гороскопы и гадательные книги. В некотором роде сумма лубочных текстов представляет собой прообраз популярного массового журнала, рассказывающего обо всем и ни о чем.

Лубочные тексты оказываются таким образом уникальным источником, характеризующим массовое сознание XVIII–XIX веков, антологией банальностей или общих мест, позволяющих охарактеризовать ментальность их читателей. Так, на листах лубка можно было прочитать о небесном явлении, воспринимаемом как знамение: «Сие знамение стояще на небеси на градом шлонским чрез целую нощ(.) образом подобно яко человек власы женския на главе карона на кароне четыре креста церковныя из головы две шпаги изо уст меч на плече три знамя и человеческая глава на хрепте пушка при боку меч под мечем месяц из груди семь шпаг в заду десять стрел напреди нога птичья и на зади нога птичья явися сие знамение 1736 году» [4. С. 113], или «Реестр о дамах и о прекрасных девицах»: «постоянная дама варвара: споволокою глаза василиса: кислой квас марья: веселой разговор аграфена. великое ябедство елена: наглая спесь маремьяна. средняя управа устинья: толста да проста афрасинья. песни спеть дарья: хорошей голос домна. худое соврать агафья: впролом входить улита. умильной взгляд фекла: ни туды ни суды фитинья. белья белилы явдогья: скорая походка акулина. взглянет утешит арина: промолвит накормит марина. смиренная беседа пелагея: всегдашная суета крестина» [5. Т. I. С. 365].

Лубочная письменность является продолжением той книжной традиции, которая зародилась и активно развивалась в городской культуре накануне петровских преобразований. Как известно, во второй половине XVII века в крупных городах (и в первую очередь – в Москве) под влиянием польской и украинской культуры появляется театр, возникает и развивается виршевая поэзия, утверждается искусство гравюры [8]. Эти заимствования быстро адаптировались к интересам и потребностям новой аудитории и вскоре они стали восприниматься как неотъемлемые элементы национальной русской культуры.

Изменение культурной ситуации вело к возникновению нового типа текстов. Появляются первые записи фольклорных произведений, сделанные как по заказу иностранцев (песни, записанные для Ричарда Джеймса), так и для собственного употребления (сборник Кирши Данилова). Осуществляются переводы западноевропейских новелл, которые впоследствии вошли как в лубочную письменность, так и в фольклорную традицию. Существование всех этих произведений обозначило возникновение нового типа письменного языка, который можно охарактеризовать как наддиалектное городское просторечие. Типологически этот городской письменный язык сходен с тем, который в украинско-белорусских землях назывался *простой мовой* [9]. Тексты, написанные на этом варианте языка, во второй половине XVII века не противопоставлялись текстам старшей эпохи, созданным на классическом или же гибридном церковнославянском, включающем большое количество русских слов и форм. Зачастую произведения, язык которых может быть

охарактеризован как городское просторечие (содержательный и этимологический аналог *простой мовы*) [10], и произведения, написанные на церковнославянском языке, помещались в одном рукописном сборнике и, следовательно, имели одного читателя.

Письменность, базирующаяся на городском просторечии, не смогла стать основой нового литературного языка. Это было связано с тем, что в период петровских и послепетровских преобразований новая культура и новый литературный язык создавались не как продолжение традиции XVII века, а как нечто противопоставленное этой традиции.

Языком государственной культуры стал в XVIII веке новый литературный язык. При этом письменный язык, основанный на городском просторечии, сохранился и, наряду с церковнославянским, продолжал обслуживать культуру городских сословий (мещанства, купечества) и сельского населения. Надо заметить, что новая культура совершенно сознательно противопоставляла себя старой. Лубок при этом, консервируя уходящее прошлое, стал книжностью простых горожан и крестьян. Именно для этой аудитории лубочные листы и книжки печатались вплоть до конца XIX века.

Издавался лубок в основном в Москве и продавался на Никольской улице. Несмотря на то, что в послепетровской России многое менялось, жизнь Москвы куда в большей степени сохраняла традиции XVII века, чем жизнь Санкт-Петербурга.

Поскольку лубочная письменность наследовала традиции допетровского города, она продолжала развивать те жанровые формы, которые оказались на периферии культурного процесса. При этом в лубок включались и тексты, родившиеся в недрах новой культуры. То есть лубочная книжность была по своей природе двойственной. С одной стороны, она, несомненно, принадлежит Новому времени, с другой – продолжает средневековую письменную традицию. Однако в лубках стирается присутствующее средневековой культуре функциональное распределение языков. Здесь церковнославянский не ассоциируется исключительно с религией и культурой, а русский – с бытовой письменностью и делопроизводством. Церковнославянские элементы обнаруживаются в листах весьма фривольного содержания, а на русском языке появляются пересказы Библии и агиографических текстов.

Если существование в лубке русского языка у современного читателя и исследователя не вызывает удивления, то присутствие большого количества церковнославянских текстов требует специального комментария. Дело в том, что вплоть до конца XIX века в мещанской и крестьянской среде существовала широкая практика домашнего обучения чтению по славянским Букварю, Часослову и Псалтыри. Церковные книги были у крестьян и мещан вместо учебников, а церковнославянские тексты не просто читались, но и заучивались наизусть [11. С. 25–41]. Сохрани-

лась масса описаний школьной жизни русских крестьян. Особенностью этих описаний является то, что их авторы не воспринимают традиционную грамотность как элемент народного образования и не видят в ней особой ценности. Для них это не рассказ о народном просвещении, а забавная этнографическая деталь. И современные читатели с большим трудом понимают, что перед ними описание совершенно иного способа обучения грамоте, отличного от того, к чему они привыкли. Мы не будем приводить здесь многочисленные примеры [2. С. 30–40; 11. С. 24–41; 12], но процитируем лишь хрестоматийное описание того, как учили грамоте А.М. Горького:

«– Видишь фигуру? Это – аз. Говори: аз! Буки! Веди! Это – что?

– Буки.

– Попал! Это?

– Веди.

– Врешь, аз! Гляди: глаголь, добро, есть, – это что?

– Добро.

– Попал! Это?

– Глаголь.

– Верно! А это?

– Аз. ⟨...⟩

Он долго гонял меня по алфавиту, спрашивая и в ряд и вразбивку; ⟨...⟩

Наконец он шуточно столкнул меня с кровати.

– Будет! Держи книжку. Завтра ты мне всю азбуку без ошибки скажешь, и за это я тебе дам пятак... ⟨...⟩

Вскоре я уже читал по складам Псалтырь; обыкновенно этим занимались после вечернего чая, и каждый раз я должен был прочитать псалом.

– Буки-люди-аз-ла-бла; живете-иже-же блаже; наш-ер-блажен, – выговаривал я, водя указкой по странице, ⟨...⟩ он знал его ⟨Псалтырь⟩ почти весь на память, прочитывая, по обету, каждый вечер, перед сном, кафизму вслух и так, как дьячки в церкви читают Часослов» [13].

Описанный А.М. Горьким процесс идеально воспроизводит традиционный способ обучения грамоте: так учились в средневековой Руси, но, как мы видим, так могли учиться и в России конца XIX века. Чтение «по складам» (называние имен букв, а затем чтение слога), использование Псалтыри в качестве учебной книги – это элементы традиционного обучения церковнославянской грамоте, а не русской. Как известно, самообразование А.М. Горького не завершилось чтением церковнославянских текстов. Но в значительном числе случаев умением читать церковные тексты все и ограничивалось. Таким образом, становится понятным широкое распространение церковнославянских лубков, их богатый репертуар.

Литература

1. *Сперанский М.Н.* Рукописные сборники XVIII века. Материалы для истории русской литературы XVIII века. М., 1963.
2. *Плетнева А.А.* Лубочная Библия: язык и текст. М., 2013.
3. *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 22–36.
4. *Lubok. Russische Volksbilderbogen 17. bis 19. Jahrhundert. Erläuteren von J.I. Itkina, I.F. Mischina, N.I. Rudakowa, A.G. Sakowitsch und A.S. Sytova.* Leningrad, 1984.
5. *Ровинский Д.А.* Русские народные картинки. СПб., 1881.
6. *Гоголь Н.В.* Собр. соч. В 9 т. М., 1994. С. 61–62.
7. *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем. В 15 т. Л., 1982. Т. V. С. 34–35.
8. *Панченко А.М.* Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984.
9. *Успенский Б.А.* История русского литературного языка XI–XVII вв. М., 2002. С. 388–392.
10. *Князькова Г.И.* Русское просторечие второй половины XVIII в. Л., 1974. С. 7–9.
11. *Кравецкий А.Г., Плетнева А.А.* История церковнославянского языка в России (конец XIX–XX в.). М., 2001.
12. *Кравецкий А.Г.* Литургический язык как предмет этнографии // Славянские этюды. Сб. к юбилею С.М.Толстой. М., 1999.
13. *Горький М.* Собр. соч. В 30 т. М., 1951. Т. XIII. С. 65–68.

*Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН*